

С. Н. Иконникова¹

РОССИЙСКАЯ КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ПЕРЕМЕН

Российская культура и цивилизация имеют тысячелетнюю историю, на протяжении которой было немало поворотов и перемен. В известном смысле русский народ располагает огромным историческим опытом социальной и культурной устойчивости, успешного освоения новых экономических, политических и духовных факторов, создания новой социальной и культурной системы. При этом сохранялись основные ценности культурной идентичности, ментальности и самосознания. Русский философ Н. А. Бердяев отмечал: «В истории мы видим пять разных России: Россию киевскую, Россию татарского периода, Россию московскую, Россию петровскую, императорскую и, наконец, новую, советскую Россию»². Несмотря на исторические трансформации, Россия остается страной «старой культуры», писал Н. А. Бердяев. В ней сохраняются историческая память и традиции, богатство русского языка и православие, литература и искусство, антропологический тип и общение. Для русского народа характерно совмещение полярно противоположных свойств, восточных и западных ценностей; язычества и православия; природной стихийности и христианского аске-

тизма, послушания и бунтарства, трудолюбия и лени, сострадания и соборности. Сохраняется основа ментальности, национального характера и добавляются новые особенности в соответствии с историческими этапами развития российской цивилизации.

Современная Россия также переживает переходный период. Изменились общественный строй, политические структуры власти, духовные ценности. Социальный строй современного общества является предметом дискуссий, вопрос о том, как называть российское общество, остается открытым, его состояние определяют как «переходное» от прошлого к будущему. Информационное, сетевое, открытое общество — утверждают одни; постиндустриальное, общество постмодерна — доказывают другие.

О прошлом чаще говорят «советские времена». Иногда называют «общество рыночных отношений», «предпринимательское общество». Редко называют строй капиталистическим, почти никогда «буржуазным». Социальные процессы определяются глобализацией, трансформацией, модернизацией.

Эпоха перемен — особое состояние социальной и духовной жизни общества — имеет как позитивные, так и негативные черты, символы и ценности, оптимистические надежды и разочарования, предчувствие катастроф и ностальгию. Переходный период может быть кратким, как «передышка», и длительным, когда ожидание перемен затягивается на неопределенный срок. В это время постепенно или стремительно «отмирают» старые социальные институты и структуры, создается фундамент будущего строя, конструируется новый порядок. Недаром политических лидеров называют «архитекторами перестройки». Но переходный этап может постепенно терять темп и скорость перемен, ограни-

¹ Профессор кафедры философии и культурологии СПбГУП, заведующая кафедрой теории и истории культуры Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств, доктор философских наук, заслуженный деятель науки РФ. Автор более 350 научных публикаций, в т. ч.: «Молодежь. Социологический и социально-психологический анализ», «Диалог о культуре», «История культурологических теорий», «Контуры исторической культурологии», «Философские основы развития культурологии», «Хронотоп культуры как основа диалога поколений», «Энергия творчества и обаяние личности», «Гармония “цветущей сложности” — союз этики и эстетики». Президент Санкт-Петербургского культурологического общества. Лауреат премии Ленинского комсомола. Награждена орденом «Знак Почета».

² Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 7.

чиваться незначительными изменениями, восстанавливать режим и инфраструктуру прошлого.

В современной науке существуют различные позиции относительно переходных периодов. Одни считают переходность перманентным процессом социального и культурного развития (К. Ясперс, Х. Плеснер, Е. Черняк). Другие рассматривают переходность как особое состояние, требующее особенно тщательного анализа, ибо именно в этот период возникают альтернативные векторы развития (А. С. Ахиезер, С. С. Аверинцев). Как отмечает культуролог В. И. Ионесов, «о переходном периоде можно говорить в двух измерениях: как о переходе историческом, при котором осуществляется смена жизненных циклов культуры и эпохальных парадигм; так и о переходе онтологическом, когда весь путь развития культуры есть универсальный многовекторный процесс перманентного становления и изменения социальной жизни людей»¹. Переходный период отличается столкновением позиций, борьбой за признание предлагаемого пути развития. В этот процесс вовлекаются не только экономические и политические структуры, но и молодежные, религиозные, художественные субкультуры со своей мифопоэтической символикой. Американский антрополог К. Гирц в работе «Интерпретация культур»² отмечает, что в ситуации перехода культура пребывает в двух модусах трансформации: изменение социального порядка, иерархии отношений и изменение культурных ценностей, правил поведения, мировоззренческих парадигм. Соотношение этих параметров может быть параллельным, опережающим или отстающим, содержать разные или близкие ценностные ориентации. Известный культуролог Н. А. Хренов предлагает различать в исследовании переходного периода четыре возможных подхода: эволюционистский, циклический, бифуркационный (синергетический), инверсионный.

Российская культура находится в ситуации переходного периода. Трудно обозначить точные границы, определяющие начало перехода, слишком много признаков, которые могут быть приняты во внимание. Достаточно условно можно назвать период конца 1960-х годов, время идеологической либерализации и оттепели, пражских событий 1968 года, распространения «новых левых» в студенческом движении, рок-музыкальных групп, свободолобия в песнях Высоцкого, идей общечеловеческих ценностей. Можно назвать и многие другие приметы Нового времени — дипломатия холодной войны, экономический застой и дефицит товаров, военные столкновения и война в Афганистане. 1991 год лишь обозначил черту в процессе перемен и определил наступление нового этапа. За эти 20 лет изменилось многое. Ситуация переходного периода требует особенно тщательного и теоретически обоснованного анализа, в котором следует избегать однозначно позитивных или негативных оценок, «ни лакировки, ни очернения». Общественная и личная жизнь существенно изменилась, одновременно проявляются противоречивые тенденции.

¹ Ионесов В. И. Модели трансформации культуры: типология переходного процесса : автореф. дис. ... д-ра культурол. наук. Самара, 2011. С. 14.

² Гирц К. Интерпретация культур. М., 2004. С. 31.

Распространение новых технологий, средств массовой информации и коммуникации, свобода слова и творчества, потребительское изобилие и приватизация, уровень занятости и образования, развитие туризма — все это свидетельствует о положительных переменах. Однако неравенство жизненного уровня и социальное расслоение, распространение коррупции и преступности, примитивность нравственности, «бескультурье» и вандализм вызывают недовольство происходящими изменениями, недоверие к власти, психологический стресс, социальную травму в сознании и поведении человека. Весь жизненный мир человека, включая семейные и дружеские отношения, сферу труда и образования, художественной культуры и спорта, формы досуга и повседневности — все находится в процессе непрерывных перемен. Меняющийся мир требует психологической устойчивости, умения осваивать новые ценности и стратегии жизни.

Современная культура по определению стала «другой». Не случайно все чаще говорят о другой литературе, другом театре, живописи, музыке, кинематографе. Но это понятие распространяется и на иные виды деятельности: образование и науку, экономику и финансы, массовые коммуникации и личные отношения. Мир культуры представляют как «открытое пространство неограниченных возможностей и стилей, где нет центра и периферии, общего пути, высших и низших стадий, где много дорог и перекрестков, расходящихся тропинок и тупиков. Пространственное поле культуры постоянно меняет свои очертания, все находится в процессе изменений и перемен, когда элитарное становится массовым, общее — индивидуальным, бесплатное — коммерческим. На поверхности культурного ландшафта можно различить мозаику событий, явлений, когда правое становится левым, трагическое переходит в комическое, праздничное в повседневное. Известный социолог З. Бауман в книге «Текущая современность»³ считает, что подвижность, мобильность, миграция, текучесть стали наиболее удачными метафорами современного образа жизни и культуры. В переходный период происходит «плавление» твердых тел, прежних структур социальных институтов. Но инерция общественного и индивидуального сознания сохраняет многие старые понятия, символы и ценности, в результате чего они одновременно «мертвы и живы». Современная культура стремительно впитывает разные стили, направления, архаичные практики, смешивая восточные мотивы с западными традициями. Происходит «плавление» традиционных культур, изменение внешнего антропологического облика личности, ментальности и национального характера.

Английский философ А. Тойнби особое значение в истории культуры придавал процессам надлома и распада цивилизаций. Распад сопровождается глубокими вертикальными и горизонтальными трещинами общественных систем. Социальный раскол приводит к изменению структуры общества, увеличению слоев, утративших свой прежний статус и положение. А. Тойнби называл их «новые бедные». К ним отно-

³ Бауман З. Текучая современность. СПб., 2008. С. 8.

сятся беженцы, мигранты, безработные, утратившие власть чиновники, уволенные офицеры, разорившиеся крестьяне, бывшие аристократы. Мера переживания у этих людей различна, но их объединяет общее состояние ненужности, утраты прежнего положения и привилегий. Как правило, они испытывают негативные эмоции к новой власти, отрицают прогрессивное значение реформ и модернизации общества, требуют возврата к прежнему состоянию общества. Распад общественной системы производит существенные перемены в экономике, политике и культуре. Среди выделенных трех элементов особенно непредсказуемо реагирует культура. Это проявляется не только в утрате традиционного корпуса ценностей и культурной стабильности общества. Но происходят значительное снижение уровня культуры, потеря идентичности, чувства общей и личной ответственности, перспектива будущего заменяется лозунгом «лови мгновение», «живи здесь и сейчас», в сознании и поведении преобладают эмоции недоверия ко всем переменам, зависть к успеху и благополучию. Негативные эмоции становятся «горючим материалом» преступности, коррупции, жестокости. Культура представляет собой «душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации. Как только цивилизация утрачивает внутреннюю силу культурного развития, она немедленно начинает впитывать элементы чуждой культуры»¹.

Распад затрагивает состояние общественного и индивидуального сознания, в нем сильны тенденции дезинтеграции и агрессивности. Раскол в человеческой душе приобретает различные формы: от безразличия и пассивности до активного сопротивления. А. Тойнби рассматривает три модели возможного преодоления кризиса в духовной сфере: архаизм, футуризм и преобразование. Архаизм представляет попытку вернуть некоторые былые формы социальной и культурной жизни, ограничить модернизацию, вернуться к прежним ценностям, примирить прошлое и настоящее. Возврат к былым достижениям и символам, популяризация бывших лидеров и кумиров, восхваление прошлого в искусстве и литературе становятся основой культурной политики и преодоления распада в обществе. Однако этот путь имеет весьма ограниченное значение. Архаизм «подмораживает» социальные перемены, ограничивает реформы, становится тормозом процесса модернизации. Не отрицая значения преемственного развития культуры, роли культурного наследия, важно не просто «оглянуться назад», но вспомнить все повороты исторического процесса, дать взвешенную оценку прошлого, не «вычеркивая» ни достижений, ни про-

счетов и преступлений. Современный человек вправе иметь вполне адекватное представление о своей истории. Но архаизм всегда ограничен в своих возможностях рамками консерватизма и неизбежно сметается жизненным потоком.

Футуризм представляет оборотную сторону архаизма, отвергает прошлое, предлагая начать «жить с чистого листа» во имя незнакомого будущего. Футуризм предлагает «забыть» культурное наследие, относиться к нему как к музейной древности, пыльной, ветхой, бесполезной, использовать историческую память для воплощения новых идей, самоутверждения новых форм, отодвинуть прошлое вглубь истории, заменив инновациями. Футуризм характеризуется нигилистическим отношением к культурному наследию, отвергает традиции и устоявшиеся стили в искусстве, политике, образовании, повседневной жизни. Футуризм «очарован» возможностью перемен, поддерживает любые формы новаторства, но при этом заряжен агрессивной вседозволенности и разрушения.

Третий путь представлен как преобразование, временный компромисс в период распада и перемен в общественной системе. Это попытка взять под контроль разрушительные силы, стимулировать творческий потенциал, ограничить враждебность и соперничество, создать атмосферу сотрудничества, толерантности и гармонии. А. Тойнби предлагал для преодоления распада модель универсального государства для установления мира и согласия, избавления от бед смутного времени. Религия и вера должны стать творческим центром и ценностным ядром универсального государства. Религия выражает психологическую потребность в преодолении душевного дискомфорта, необходимость жизненной устойчивости и защиты. «Во времена успехов и процветания души людские глухи к зову духа, и, напротив, они улавливают даже слабый шепот его, когда суетные мирские дела заканчиваются катастрофой»². Религия выступает как сила, способная преодолеть политические и культурные барьеры, разделяющие разные цивилизации. Вселенская церковь не означает слияния мировых религий, она предлагает свободный выбор в духовном совершенствовании, предостерегает человека от новой вспышки идолопоклонства. Выполняя свою роль, церковь не должна вмешиваться в политику, чтобы не утратить свое духовное предназначение. Идеи А. Тойнби представляют несомненный интерес для современного понимания эпохи перемен и поиска диалога для преодоления негативных последствий.

¹ Тойнби А. Постигание истории. М., 1991. С. 285.

² Тойнби А. Указ. соч. С. 408.